

Александр Куделин

18+

О

А

К

М

Л

З

Б

И

И

А

Ю

В

Александр Куделин
Мозаика Любви

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Куделин А.

Мозаика Любви / А. Куделин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Можно ли принять взросление твоего партнёра? Может это сексуальная блажь, усталость тел или кривая улыбка расстояния пройденного пути, которое материализовалось в постоянного собеседника? По-любому столь долгое сосуществование не может не менять сознания, не вести к переоценке и обретению собственных горизонтов...Один вопрос – какие они эти Его горизонты?!Теперь, когда смотрю в себя – всё что во мне – всё от тебя!!!

Содержание

Юраша	5
Рыжий	8
Цирконы	12
Антрацит	14
Воробушек	15
Дорого стоит	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юраша

Куда делись воробьи? Их радостный щебет покинул столицу. Голуби, вороны, синицы, а иногда в парках ещё вдруг утренний соловей – нет радости в звуках Москвы! Нет.

Зато на море, в дальней загранице, лето теплит остатки весны. Почти бархатно – не жарко, не холодно; утро и вечер прохладны, но дни вполне горячи.

– Мать божья, – брызнула обгоревшая под солнцем украинка, стремящаяся переместиться из тени в тень. – Проклятые москали!

Она только заметила освободившийся шезлонг и почти что побежала по краю бассейна, чтобы забронировать так нужное ей место, обозначив его полотенцем, но волна от вынырнувшего чуть не из-под её ног кита окатила таким потоком воды, что полотенце враз поникло, потеряв форму прачечной чистоты!

– Шоб ты здох! – громогласно заклемила она половину огромного тела, появившегося возле кромки бассейна.

Взгляды отдыхающих, шарившие по веткам деревьев и стайке перистых облаков, быстрым махом усталились в точку всплытия этого Кита. Сложные волны от дифракции и интерференции, созданной телом этого отдыхающего, взбудоражили до величины шторма ещё недавно тихую гладь турецкого бассейна.

– А ты, черный, во-още молодец! – Жирное, но сильное тело, ухватившись за край бассейна, подтянулось на руках и почти по-гимнастически выпихнуло себя из воды на сушу. – Уважаю!

Кого он мог уважать? Каждый, кто знал русскую речь, стал вышаривать сектор шезлонгов, отстоящих от кромки бассейна и от нашего героя на три шага.

«Наверное, наши в баре», – прокралась верная мысль, так как невозможно было представить, что в полоске шезлонгов отдыхающих турецких пенсионеров и иностранных туристов его могло что-либо заинтересовать.

Стареющие тела пенсионеров, приехавших глотнуть умеренной жары перед скорым знойным летом Турции, немцы, обособленно, по-семейному уединившиеся сами в себя, и несколько пар разрозненных французов, ублажающих слух окружающих своим грассирующим р-р-р – всё это было наполнением противоположного берега продолговатого, с небольшими изгибами бассейна. На другой его стороне располагались в основном северные гости, так как жаркие лучи невидимого за ветками солнца на открытом пространстве могли превратить их в головешки, чего не скажешь про смуглых турок, замазанных кремами французов и доведших себя до копчёностей немцев.

– Вот что мне в тебе нравится – ты мужик! – Кит принялся на кого-то перед собой наступать.

Два, в разные стороны и навстречу, широких шага и Некто оказался поднят и подвешен в его объятиях.

– Вот с-сука! – Он поставил в пол-оборота от себя негра и начал жадно целовать его – в лысину, в щеки, в лоб. – Ну молодец же! Молодчик! – Кит опустил француза на мраморную плитку и подвёл его как костыль под подмышку. – Жена?! – Он ткнул пальцем в находящийся рядом шезлонг. – Сам вижу – жена!

– Раша?! – чуть растянув первую букву, спросил не в меру загорелый француз. – Ю, р-раша?!

– Ты чё, дибил?! – почти удивлённо загоготал Кит. – Какой я тебе Юраша?! Я Коля! Коля я. – Он отпустил француза и ткнул в себя кулаком – Коля!

Худой, но стройный, побритый на лысо негр сморщился в недоумении. Ярко белые глаза его два раза моргнули и без смущения уставились на Колю-кита.

– Ща, подожди! – Коля не стал себя утруждать обходным манёвром, а, отодвинув, словно занавеску, француза, двинулся напропалую через газон в бар.

Так феерично начавшаяся история вдруг прекратилась, оставив всех в разочаровании. Немцы враз загорланили, явно обсуждая только что назревавший инцидент, стареющие турецкие семьи замкнулись в непонимании, а виновник части торжества – афро-француз погладил себя по облизанной Колей лысине и присел на край своего шезлонга, чтобы склониться над белокурой женой. Их негромкий разговор, словно штормом, занавесили голоса птиц и отчётливо – воробьи.

Ветер с переменным настроением приносил то влажность близкого моря, то зной подсыхающей земли. Время, оторвавшись от завтрака, медленно катилось в зенит. Солнце почти раздвинуло все тени и стало стирать краски.

– Вот ты скажи! – Вновь набирающий обороты громкости голос заставил многих встрепенуться. – Нет! Я и тебе прихватил. Ну ты что?! – держи!!!

Скрежетдвигающегося шезлонга окончательно разбудил всех остальных. Коля поставил его так, чтобы, оседлав его, у него и у француза появился дружеский стол, на который с пола были переставлены четыре бокала с виски, две пачки чипсов и кружка пива.

– Лерыч, может, ты их тормашишь, может, есть чё еще на закусить?! – крикнул Коля возвращавшемуся к бару другану...

... – Вот ты мне скажи! – Колин голос, как репродуктор, старался разубить языковой барьер – француз морщился, но взгляда не отводил. – Вот ты хоть и чёрный, но всё же мужик. – Коля больно хлопнул того по плечу и выдвинул из кулака большой палец – Во! Вот такой мужичина! Во!

Француз открыл рот и что-то проговорил.

– Да ладно, – Коля примирительно потянул его своей ладонью за затылок к себе, – не обижайся, я же всё не со зла. – Голос переплавил громкость в теплоту.

Француз пожал плечами и посмотрел на жену, та улыбнулась и, потянув руку, погладила его с плеча на локоток. Тот вновь обернулся на Колю и не резко, но настойчиво взял его за запястье и опустил мощную ладонь русского на уже ополовиненный бокал.

– *Se comporter defondé. Si tu es énorme, ça ne veut pas dire que j'ai peur!* – Сверкая белыми губами, произнёс африканец. – *Je suis français. Et voici les lois de l'Europe! Ce n'est pas à vous avec l'Ukraine de se battre. Personne n' a peur de vous!*

– Ну я и говорю, что ты француз! – вторил ему Коля. – Я и говорю, что ваша Европа совсем в дурь охренела! Что у вас творится?!

Задав этот вопрос, Коля-Кит стал освобождать шезлонг от снеди, вновь возвращая всё на пол.

– Вот ты мужик, – продолжал он, не останавливая движения по перемещению. – Баба у тебя – первый класс! Что мне в тебе и нравится. Хоть ты и негритосина, но всё же мужик!

Тут, чуть приподнявшись, он рукой выбил назад из-под себя шезлонг – тот, заскрежегав, проехался и, уткнувшись в другой, остановился, освободив Коле пространство для последующих действий.

– Смотри! Ведь вы французы воевали с нами против фашистов в Нормандии-Неман. Хрен с ним, ну проводили мы вас пинками из России в 12-м году. Но!, вы же Европу всю под собой держали! Ваш Наполеон всех отымел, даром что его Жозефина была красавица! Ты вот, смотри, вполне хват!!! – Он многозначительно качнул головой в сторону его жены. – Так почему?! – Тут Коля развернулся боком, задницей в сторону бассейна и начал тыкать себя пальцем в зад. – Почему вы, с-суки, пидоров у себя развели, что ж вы позволяете друг на дружке жениться? Венчаться!!! Ты же вот от неё детей себе наперенарожаешь! А они, ваши тамошние,

пидорасы будут свои корявые члены всовывать в ихние зады!!! И им будет без особой разницы, кто твой ребёнок – мальчик, девочка! У ваших разноцветных только одна дырка! Вот тут...

Коля расчувствовался – не договорил. Он перестал насиловать себя в щель плавок, поднял высоко отработавший своё палец, отмахнулся от француза и бухнулся в воду, чем породил новое цунами.

– Та шоб ти здох, вражина Донецька! – вспрыснула Украинка, которая, подбирая волосы под платок собиралась окунуться.

Реальная история, со слов одной Рыжей.

Апрель-май 2019г.

РЫЖИЙ

(почти дневник одного неординарного события)

Небольшой домик – обычный подмосковный – один этаж вниз и полтора над ним. Уютно, стандартно, практично. Прихожая, гостиная, пустая комнатка под кабинет, инвентарный чуланчик, кладовка с деревянными дощатыми полками, встроенная в кухню для разогрева и употребления готовых блюд, и спальня наверху.

Осень. Она обозначила себя лишь календарём.

Ни листва, ни трава словно и не ощущали скорых изменений природы, только вечер стал заметно короче, гуще и холодней. Дневного тепла хватало, но к заходу солнца уже охота закутаться в шерстяной палантин. Тёплые носочки переместились из комода на кресло и всегда были готовы согреть Её добрым маминым теплом.

Он появился вот так, словно ниоткуда, обозначив присутствие ветерком сквозняка, скрипом половиц и шорохом со стороны кухоньки или даже встроенной в неё кладовой.

Её дневничок:

Я прислушалась, но подумала, что наваждение. Мелкий дождь, скатившись каплей на подоконник, сонливо сказал: «Кап. Кап-кап!». Лампа моего абажура заботливо приглушила свет, а строчки книги расплылись пятном, заставляя смежить веки, чтобы уснуть...

– Хрум-хрум и какое-то кр-кр (словно кто-то поскрёб, подметая), хрум-хрум.

Я напряглась, приоткрыла глаза и поправила плед. Два часа ночи, за окном темнота!

«Плед? – проявило сознание. – Я его вчера не брала! Может, мама приехала? Но она не могла! Я же вечером говорила с ней по телефону, и она от меня далеко!»

«Может, мышка?» – Но для мышки есть Мурка! и до этого кошка с ними справлялась.

– Не иначе как мужи-чо-к! – ехидно ставя ударение, предрекли подруги, когда Та (Она) поделилась с ними на работе.

– Пледом накрыл?! Свет приглушил?! – Самая яркая из них как-то не вдруг покраснела и подалась грудью через стол, чтобы полусшепотом продолжить. – Мне мама рассказывала, а ей её мать, будто бы ейная бабка передала: «Мужичок – это не к добру! Если он в доме завёлся – всё!!! – вывести невозможно! Менять жильё – иначе никак!..».

– Точно! Я недавно по “Социальной перспективе” вынуждена была вместо уютной квартиры получать дом! При просмотре оказалось, что многие пустые, в хорошем районе и очень-очень приличные дома даже и не предлагают! Я тогда возмутилась: «А что с ними не так – я бы вот этот взяла б!» – Самая обычная из подруг по работе вдруг налилась такой значимостью, что враз сделалась центральной. – «Под снос! – говорят, глаза отводят, на вопросы не отвечают! Без обсу-ж-де-ния!». И главное, места-то самые такие – уж точно бы не застоялись! Я тогда просто так мимо проезжала, заглянула в один из таких домов – ну вот видно же, только-только, недавно ввели для жилищного оборота – живи не хочю! Мебель новая, занавески с иголочки. А его уже сразу, раз! И под слом!..

– Не, у моей подруги тоже было. К ней приходил! Он сначала вот так, как к тебе, подкрался и долго ласкался, а потом она заметила, что холодильник вдруг опустел и в кладовке вещей поубавилось!

– А мне в одной газете...

Обсуждения нескончаемой лентой поселились в Её голове, вызывая одновременно отрицание, гнев и интерес.

«Может, мне его как ни то подманить? Вот холодильник – это же неспроста! – Она, перепрыгивая через мелкие лужи, направилась от станции аэротакси к магазину. – Нет, ради этого эксперимента не стоит идти на крайние меры и с покупкой холодильника нужно ещё

повременить. И потом, в современном мире холодильник не только анахронизм, но может ещё и подозрение вызвать. Нет, мне мой дом нравится и я его под слом не хочу!».

Она купила батон уценённого от времени хлеба и посмотрела на колбасу: «*Может, сразу?!*» – Ей захотелось жуткого, однозначного, неотвратимого – как это назвать она не знала, но каким-то вторым, может, природным чувством она подозревала, что именно колбаса откроет всё! – «*Всё – что?!*» – очнулась Она и обратила внимание на маленькую книжную полку.

«Жизнь и повадки редких животных». Она потянула руку.

– Брать будете или, как все, лишь поинтересоваться!? – ехидно шуря глаз, спросила продавщица.

– Буду, – сказала Она с вызовом и протянула запястье к “учетчику эквивалента труда”.

– Слава богу, – почти со смехом открестилась продавщица, – дня нет, чтобы эту книжку не потрепали! Чего пялиться, если их давно извели!

– Вы про кого?

– Про него! – Она, вначале подбоченясь, суксила нос и всплеснула руками. – Страница 126, абзац два, девятая строчка сверху, семнадцать слов, не считая кавычек, запятых и точки – про мужика! Закладки не надо, всем интересно, а толку-то что?! Разве что искать не надо – книга уже сама раскрывается на этом самом месте!

– Я совершенно не по этому поводу. У меня просто в кладовке кто-то завёлся, – примирительно ответила Она, – скребется и что-то грызёт!

– Да ладно! – приглушённо выдохнула продавщица и мгновенно стёрла весь свой сарказм. – Ужель повезло!? Ты смотри не спугни!

– Что вы. – Она направилась к порогу, но, проникшись значимостью событий, гордо произнесла – Но насчёт «Не спугни!» – за это Спасибо!

Её дневничок:

Странное чувство – Я не одна! Все вещи на месте, но недавнюю пыль протирать не надо – подоконник словно натёрт, а на стекле развод, будто кто опёрся лбом о стекло и долго дышал.

Может, я сама? Но ведь не помню! Я и к окну-то не подхожу – нажми кнопку визора и стен дома как не бывало, разве что капли дождя, превратившись в бусины, исчезают».

Да нет же – все просто смеются – почудилось, а теперь просто прислушиваюсь к пустоте!

Вчерашнее ожидание с волнением отлегло от груди. Весь вечер она провела в кресле, делая усилия, чтобы прочесть хоть полстрочки писательской чепухи. Что?, зачем?, после чего – всё потеряло смысл.

«Вот бы скрипнул или, как вчера – ветерок и внутренний трепет!»

Всё потеряло смысл – работа, рутина мелких, больше надуманных, дел. Даже важное, то, что не доверишь бездушной машине – всё отошло на второй план и потеряло смысл.

Странно, – дневник принял ещё одну строчку, написанную почерком, не имеющим опоры, – отчётливо помню, что собиралась что-то записать вот в этот дневник, но что-то случилось – почти что не помню!

Свет приглушился – помню, я приподняла голову – качнулась занавеска, разделяющая гостиную с кухней, и вроде как тень...

Мне вдруг захотелось расслабиться, потянуть позвоночник и повиснуть, чтобы растянуть себя в разные стороны. Словно удовольствие... Ах, какой пьяный бред!

А вот как оказалась в постели со своим дневником, не помню. Вернее, дневник лежал на прикроватном столике, куда он до этого никогда не добирался, так как его место внизу возле любимого кресла!

А проснулась я от влажного прикосновения к губам. И запах! Запах раздавленного Конского капитана, который я уловила, запомнила и принесла с собой из детства.

?

Утро.

Не услышав будильника, сопровождаемого нервной тряской запрограммированной постели, она проспала.

«Что это? – задалась Она вопросом, когда аэротакси заняло место в полётном эшелоне. – Страх нет и, на удивление, нет непонимания – словно так и должно быть, происходит. А ещё охота вернуться в ту часть ночи, которую в беспмятстве проспала! Охота дотронуться до себя и застонать!..»

«А куда делись крошки из пакета?! – Сознание пылливо отбросило, а затем растворило только что нахлынувшее наваждение. Хлеб иссыхал прямо на глазах, отшелкивая со своей поверхности плоские, словно кожица, крошки. Даже когда продавщица клала в пакет позавчерашний хлеб, она делала это с осторожностью, чтобы крошки не просыпались на пол! А сегодня, в спешке заглянув в пакет, Она увидела стерильную чистоту вокруг уже в корень засохшего хлеба. – Я же помню, я же специально оставила его в пакете, чтобы не слышать ворчание чистящего пол пылесоса. Хорошо, что спрятала в стенной шкаф. Даже если всё же мышка, то она туда не прошьмызнёт!..»

Работа не ладилась, кофе не помогало. Подружки, с утра ещё немного пошептавшись о мужиках, уткнулись в работу. Время летело как весной – быстро на улице и медленно за рабочим столом.

Дождь, предрекаемый синоптиками на целый день, по возвращении в посёлок вдруг смилостивился и отступил.

Выйдя из аэромаршрутки, она, вздохнув, расправила грудь. Запах прелой листвы ничуть не смутил – вдруг захотелось пробежаться по лужам и разогнать приземлившихся на маленькую площадь голубей... Мокрую осень сменила весна – она пела и раскрашивала серые облака. Что-то наполнило маятством грудь, заставило снять желтый берет и, не включая воздушного зонта, идти под крупными каплями зацепившегося за ветки голых деревьев дождя...

– Ну что?! – почти по-дружески приветствовала её продавщица. – Подманила?!

Она совершенно не скрывала завистливой улыбки и блеска озорных глаз. В любое другое время Она бы заметила это, но не сейчас. Сейчас ей требовалась сокровенная подруга или даже наставница, чтобы потянуть за еле обозначившуюся ниточку сети, в которую стоит ловить на живца!

– Не знаю, – скромно, почти шепотом ответила Она. – Вроде как ничего не произошло, но крошек в пакете не оказалось, хотя хлеб не тронут. Может, мышка?

– Ха, – почти радостно-озорно откинулась продавщица. – Ага, мышь килограмм на сорок! – Она руками показала примерные габариты, которые по высоте остановились прямо у её второго подбородка. – Если мужичок, то лучше колбасы приманки нет! Её же для чего-то же всё ещё выпускают?!

Продавщица вышла из-за прилавка и проследовала в угол к маленькому, зажатому стеллажами со здоровой пищей холодильнику.

– У меня тут просрочка скопилась, принято её опрavlять в переработку, но по случаю недавних праздников произошла пересортица. Всё не дам, тут ещё парочка добропорядочных ходит, – ухмыльнулась продавщица, скривив сарказмом лицо, – но ради эксперимента возьми вот эту.

Продавщица выудила из освещённого нутра холодильничка небольшую палку заплесневелой тёмно-коричневой колбасы.

– Ты не обращай внимания, что она такая морщинистая, и плесень не стирай! Мне бабка рассказывала, что для мужика – чем грязнее, тем вкуснее! А то, что кожица сморщена – то не

беда – этот продукт натуральный. Вот увидишь – если всё же мужик, даже вот этой ниточки не останется...

Как удивительно меняются люди. Вот только что эта продавщица смеялась и улыбалась, а перед тем как Ей уйти, проявила сентиментальность и обняла её.

– Может, хоть тебе повезёт. – Её пухлая ладонь быстро смахнула слезу и расправила щеку. – Те, что приходят за колбасой, хоть и стараются казаться счастливыми, а видно – это не то...

А как это – то?!

Чтобы положить колбасу, я открыла шкаф. Там, свернувшись в три погибели, обняв почти пустой пакет, лежал Он – ни капли не короткий, слегка худощавый и рыжий. Хлебные крошки облепили его неряшливую бороду. Глаза щурились на свет, а в одной руке он держал замятый журнал «Потребитель».

– Господи, – вскрикнула я, – худой-то какой!

Из места лёжки выманить его не пришлось – он сам потянулся за колбасой...

Мне трудно объяснить, зачем нужны мужики – от скуки, для лени, для желания вернуться скорее домой, а главное, для долгих приятных недосыпаний.

Мы вместе с ним рассматриваем в журналах картинки. Я читаю ему вслух и радуюсь, когда он смеётся.

Он приносит мне тапочки, принимает и подаёт пальто, не забывая сунуть в карманы теплые рукавички.

Ночью он приходит ко мне погреться, а днём укладывается в свой шкаф, чтобы, шуриша пакетами, есть хлебные крошки и дожжевывать очередную колбасу.

Вечером он ждёт меня на подоконнике, разглядывая улицу в щель между двух занавесок.

Я помыла его, он сбрил бороду и дал себя подстричь. За всей его оболочкой скрывается доброе, ласковое сердце, приятное, почти урчащее дыхание и сила ласковых рук...

Зима пролетела как заколдованный день.

Он научился читать, делать себе бутерброды и отрезать ломтиками колбасу.

Его способностям нет предела – он отыскал на чердаке молоток, самолично вбил в стену гвоздь и повесил нашу с ним фотографию!

Но,

...наступила весна.

Он отрастил и начал грызть ногти! Ночные приходы ко мне стали редки, но правда длинны....

В одно утро,

...дал о себе знать соловей!

Я обыскала всё, под надуманным предлогом прошла по соседям – его вдруг не стало...

Я не пошла на работу и, закутавшись в душистый плед, поджав ноги, сидела и ждала его в кресле...

Он просто исчез, не забрав с собой даже вчерашней колбасы.

Грустно-то как и как долги ожидания! Маленькой рыбкой в животе плещутся наши с ним ночные воспоминания.

Пустая рамка от исчезнувшей с ним фотографии навевает тоску.

Рыжий, ты где?! Скоро осень. Ты приходи, я скучаю...

Вольный пересказ рассказа из журнала «Юность»

Неизвестного автора женского пола 1983–1989гг.

Москва, вершина ночи, проведённой с Рыжей.

Январь 2019г.

Цирконы

(Пролог и Эпилог)

Парк с рядом извилистых дорожек, фонарь, очерчивающий границу темноты и снег, пушистым саваном спрятавший следы и направления. Именно так представлялась ему его сиюминутная жизнь.

Сон на яву – Явь, пришедшая через сон и засевавшая в мозгу!

Это как внезапно приведшие в ночи в руку мурашки – ни стряхнуть, ни растереть. Знаешь, сами пройдут, но колкость их терпеть невозможно!

Он посмотрел на застывшее во всех, для него, отношениях тело супруги и проделав незамысловатое упражнение освободил свое место с огромной кровати, которое располагалось у стены.

Она не заметила, Он постоял и ушёл...

«Она давно ничего, ни что не замечает» – думал Он, прикрывая дверь из спальни комнаты в коридор.

Свет луны, осветивший бесхозное пространство пустого коридора, медленно откидывал явь и сон.

Сон – это жизнь – здесь, сейчас, снаружи и изнутри этой давно нарисованной семейной идиллии.

Жизнь – скрытая от глаз и посторонних вздохов, с их разочарованиями, реальность – затаённая как камень за пазухой – Душа. Она мечется, молча бьётся, стонет и рвётся, беззвучно истекая кровью, через порывы от крепких объятий так недавно-давно бесконечной Любви!

Взвять!

Ах как хочется взвять и задержаться на тоне, чтобы все, всё и Она встрепенулись! Чтобы стёкла в рамках потрескавшись разлетелись, осыпая снег за окном и пол коридора бриллиантами ежедневного счастья – всей той сегодняшней мишурой, что вполне можно назвать “цирконами семейного счастья”!

«Ужели не видно! – Реальность, как Сон, продолжалась – без жалостно изливая под ноги Истину. – Как можно не замечать этот тупик?! – эту не деланную стену, которую не отодвинуть не обойти! Ужели можно хоть ещё что-нибудь преодолеть, перепрыгнуть, подрывать, подкопать – пробить-прорубить?!».

Тупик во всём, во всех последующих отношениях, в друзьях, в работе – в желании жить, которое вот так вот враз и остановилось! Впереди пустота, а сзади сундук – зависть других и отрицанье себя!

Если б не бросил лет двадцать назад – закурил!

Свет яркой как солнце луны наискось разложил на полу огромного коридора кубики витража – брось банку, играй в классы. Он постоял в нерешительности и спустился на первый этаж. Был выбор – упасть в ванну – смотреть до одури кино по планшету или читать книгу, и или совсем загрузить и, закинув ноги на стол, замереть в кабинете.

Он выбрал второй.

Раньше было просто: «Не я один!, не мы первые!, у них ещё хуже – это нам ещё повезло!»

«Здравствуй, позвольте, можно?, извольте!, а если?, я не против!, давай, пошли – шли, шли, шли, и, пришли!..»

А что в остатке? – привычка! – уже не Любовь, а степень какого-то уважения, уменьшение которого исчисляется с лет до минут, сползая в секунды!!!

Всё уже было и как-то разом прошло: жизнь на витрине и её вычерченная параллель – бани, вроде случайные девки; знакомства с продолжением – даже не любовницы; вторая семья

и новый желанный ребенок. Всё, вроде, принимаемо и законно, так как общество всё такое, а по рассказам близких, знакомых, недавних друзей и подруг – всё ещё даже гаже, деланно и отнюдь не кристально – взгляды через улицу наискосок, раненые женщины и хотящие, в себе неуверенные, пошловатые мужики!

Уют в доме – это тепло. Раньше любовное, теперь от Мособлгаз; раньше душевное – от сердец, рукопожатий, взглядов, мыслей!, теперь от стен вот этого гнезда. Лунный свет, освещая заснеженный сад, лишь отражением освещал кабинет, который мягкостью линий словно уснул.

«Господи! Что же мне делать?!» – Вырвалось из груди.

Молчаливая лепнина потолка и люстра лишь ухмыльнулись, взирая на рвущуюся душонку, загнанного в клетку мужика.

«Не достучишься, не закричать!» – Он бросил в кресло тело, водрузил ноги на стол, затих – погрузился и утонул:

...Двадцать шесть рядом, без брака одни год – срок и не срок – словно минута! Есть что и вспомнить, и пересказать. Но почему так все пусто и невесомо? И главное – за что!? За не верность? – так и Она же сама к ней пришла. За верность семье и детям? – так и это уже совсем не постулат?!.

«Куда уж левее!» – Засмеялась Любовница восседая на нём как на коне...

Связь двух Их с одним Им оградила одну, почти единую семью от настойчивых поползновений других, которые как червяки стараются проползти и подточить чужие яблоки. Там и здесь, здесь и там – всё это была семья, которая давала разрядку и набирала зарядку мощности аккумуляторов. Как не тривиально это звучит, но двойственные отношения одной огромной семьи спасали их самих.....

Даже те постоянные набегии на Её (жены), пока ещё упругое тело, казалось, оставались ей незамеченными – Она просыпалась сразу в порыв, чтобы отработав своё снова забыться – уснуть. Без ответных ласк, движений задом и выгибом разгорячённого тела, как было когда-то тогда... – Она спала до последнего, пока не проснулась Сама!

Без него – не с Ним...

Давно недописанный рассказ.

Антрацит

Самое простое у представителей туристических агентств из России – это встречать русских. Они первые двенадцать часов вполне дисциплинированные – шурят, словно прицеливаются, глазки; глубоко через ноздри процеживают местные запахи; медленно вращая в талии тело, оглядываются по сторонам и задумчиво всматриваются в дали, а главное, не задают сложных вопросов и терпеливо ждут, когда их из аэропорта доставят до места их скорого разгула...

– Вы не подскажете мне? – Моложавая дамочка, в прошлом с претензией на самодельную красоту, потянула Бахруза сзади за рукав.

Он должен был сопроводить от места сбора до автобуса очередную партию прибывших в Турцию Россиян.

– Да, слушаю Вас. – Обернулся и наклонился он. Его рост и телосложение – сказать: “Ого!” – не похвалить.

– Вот тот мужчина – мой муж. – Дамочка указала на целеустремлённого бледнотелого туриста, катящего перед собой огромный чемодан.

– Очень приятно, – с заискивающим почтением отработал свой гривенник менеджер средней руки. – Ему нужна помощь?

– Нет, помощь нужна мне, – сказала дама, понизив голос, и тем заставив Бахруза нагнуться ещё ниже. – У него в конце нашего отпуска будет день рождения.

Не отпуская его рукав, она пошла ещё медленнее. Бахруза выручил вышедший из автобуса водитель, который понял заминку менеджера и принял деятельное участие в укладке разносортного багажа и посадке туристов в автобус.

– Знаете, – она совсем остановилась, – я люблю своего мужа. Он мне очень дорог.

Она отпустила рукав и тем дала понять, что можно уже распрямиться. Бахруз перевёл взгляд на автобус, посмотрел на аэровокзал – не отстал ли кто? И когда понял, что всё “Норм!”, снизошёл опять до неё.

Она слов не подбирала – просто, четко, отчётливо, с ноткой цинизма и озорства произнесла:

– Обычно каждый год я на день рождения своего супруга дарю ему свою девственность. – Пауза после фразы была оценивающей: “Сможет ли этот громила понять, чтобы помочь?”. Сам же громила старался постичь глубину фразы и проблемы вообще!

Разное бывает: супруги теряются; детей оставляют в аэропортах вылета; забывают забрать багаж и приезжают в отель налегке – но всё объяснимо и поправимо. А тут?!

– Просто мне бы хотелось сделать это неожиданно. Ведь именно сейчас он этого от меня не ожидает, а тут – и она, как заправский киношный картежник, отщелкнула себя ладонь об ладонь – раз – и снова девочка!

И так она это азартно сделала, что Бахруз прям представил, как он помогает ей раздобыть клей и замазать ейную щель!

Туристы перестали кучковаться возле урны и, расставаясь с окурками, просочились на места своего последующего перемещения.

– Так может, посоветуете, куда обратиться? Может, есть какая клиника, ну чтобы за день...

– Может им на день рождения степлер подарить?! – К обеду обсуждения излились на весь гостиничный коллектив.

Пересказ рассказа основного участника события.

Апрель 2019г.

Воробушек

Забор из железного штакетника стадиона Уралмаш терялся вдали и исчезал в высоте. Его кованые пики, словно богатыри, защищали пространство заснеженного сада, за которым скрывался стадион. Сквозь этот штакетник легко подсмотреть, но не пролезть.

Уральская зима порой так замораживает природу, что всё окружение замирает в звенящей пустоте!

«Фыр-р – фыр», – неожиданный полёт маленькой птички закончился «Бам!» и тишиной.

В свете ночного желтого фонаря возле решётки ограды лежала синичка. Она неистово дышала, хотя вся обмерла.

Он наклонился, вынул из шубенки руку и подцепил птичку в ладонь. Совсем тёплое тельце, безвольно откинув головку, признаков жизни не подавало. Он сжал синичку посильней и почувствовал трепетное биение её сердечка – она сделала два сильных вдоха, сердце напряглось и вдруг словно оборвалось...

Ещё недавно такая живая, тёплая и убила себя, полетев через освещённую фонарями улицу в ночной сад.

Он огляделся: «Похоронить? Ну не бросить же её тельце так вот, как семечковую скорлупу?» Снежный ком отвала с дороги был крепок и не позволял сделать углубление на приличную для её тела глубину. С некой жалостью он опустил синичку на высокий парапет убившего её забора и пошёл дальше в звенящую Уральскую тишину.

...Она была похожа на воробья, который скукожился и ждал, когда крошка, хотя бы одна, отлетит и ему. Этому воробышку было и голодно, и холодно, но осторожность из-за наглых товарищей и настырных голубей не позволяла ему приблизиться к центру неожиданных щедрот, что источались из вдруг появившейся человеческой руки. Смелости не хватало – но голод всё же брал своё!

Не суть важно, как встретились, а вот как завестись?! Как желание внешнего общения перевести из области приличий в тактильность, даже если всё сложится и повезёт...

Она забила в угол гостиничной кухни и слушала его долгий жизненный отчёт. Он же никак не мог остановиться, чтобы спросить хоть о чем-то у неё.

– Понятно! – Она поджала губу и словно учитель, но без очков, подвела итог его последующей тираде. – Туннельное мышление мужчины не позволяет принять правильное решение?!

– Какое? – Он почти обрадовался, что их диалог всё же завязался, что она проявила хоть относительный, но интерес!

– Туннельное, – она произнесла это слово уже по слогам и принялась разъяснять...

Ему нравилось, как она говорила, как проговаривала слова, как открыто смотрела в глаза и не отводила взгляд.

Конечно, понятно – любое начало труднее, чем продолжение, но не каждое продолжение может состояться после начала!

– Всё нормально. – Она ответила на телефонный звонок. – Нет, всё хорош-шо!

«Перестраховывается», – подумал он и улыбнулся, но больше в себя. Оно и понятно – интим не интим, встреча – не встреча. Знакомы уже месяца полтора, а обстоятельно поговорить всё никак не удавалось – её рабочие часы разрушали известные пределы и его свободные вечера. Малый остаток субботы, а может, и всё воскресенье выдалось вот только сейчас.

– Дочка. Уже большая, двадцать один, – сказала она и проверила реакцию на это признание.

– Везёт! – Он улыбнулся. – А у меня сыновья...

Недолгая расстановка семейных позиций и недавних решений подводила под главный вопрос – «Ну и чего?!».

Взрослые люди – но не скоты. Она – Воробушек, он – Орёл! В идеале всё как надо – все равны! Остались только правильные слова – правильный тон, выстрел глаз и даже лёгкий на прощанье в щёчку, теплый поцелуй!

– Что?! – Слова снова прервал телефон («Играет», – подумал он.) Обеспокоенность была почти наигранной, ненатуральной, а сама потеряна. Она не смотрела на него, просто шарила глазами по сторонам, слушая ту сторону в трубке. – А ты сейчас где?! – с возмущением произнесла Она. – Вот зачем тебе было это надо!? – Продавив аргумент, запнулась Она и, посмотрев на Него, уже успокоено-тихо произнесла: – Будь там, не уходи!

Неожиданный оборот – прерванный разговор и незаконченный ей приговор этой их встречи!

Весь позитив, вся выстроенная трезвая вязь – всё свилось, запуталось и растворилось в обеспокоенности вновь выпрыгнувшего воробья!

– Спасибо, – она обвела взглядом выложенные на кухонном столе, но несформированные в ужин вкусы, – я не думала, что тебе больше сорока, – проговорила она скороговоркой. – Ты в отличной форме, и я бы ещё задержалась, но извини – не могу. – Она посмотрела на беленький чехол телефона и раздосадованно развела руки. – Дочка, – она замялась – как рассказать? – Её накрыло!

– !? – Взгляд без жестов – тоже жест.

– Понимаешь, у неё недавняя травма – она рассталась с молодым человеком, и её это никак не может отпустить!

«Бред какой-то и сумбур». – Трудно понимать, не зная языка, ещё труднее представить природу другой планеты, если ты там вообще не бывал!

Как отпустить? Как вдруг расстаться, когда всё только-только началось?!

«Вот тебе «здрасьте» и сразу «прощай!» – Двадцать шагов – десять до спальни и/или десять, чтобы уйти! – «Как так! Вот так вот – взять и уйти!? Пусть даже накрыло. Пусть, но – это же там!» – Он посмотрел на всё ещё решительного воробья, который сейчас плюнет на всё и улетит!

– Что ж, встреча не удалась. Поехали, я отвезу!

Всё это не сказка, но: любое начало – это начало конца!

Им повезло:

... Спасибо за то, что ты совершил. – Она подсветила себя в ночи экраном смартфона.

-- Что?

.. Что понял и отпустил!

-- Знаешь, когда мы туда приехали, и я подал тебе руку, чтобы ты вышла из машины, то почувствовал, как трепетно бьётся твоё сердечко в протянутой мне руке! Я понял, что если сейчас не помогу, то не смогу...

...Я тебя поняла! Спасибо!

-- Если что, не молчи.

... Ты не спишь?!...

март 2017г.

Дорого стоит

Всё что с нами происходит – это слово Любовь!

Желание переборов терпение, разорвав все печати хлынуло наружу...

– У-хав-В! – почти прорычал Он, дёрнулся назад и приподнявшись над ней вновь опустился, чтобы с удвоенной силой прижавшись переждать восхитительный порыв!

По меркам времени-момента они лежали долго – их не отпускало дыхание, восторг одновременного окончания и торжество расставленных точек над *i*!

Они расставались:

– Знаешь, я не хочу тебя терять – Она прижималась к его мужественной груди и нервно вдыхала, запоминая Его аромат.

Её рука, словно не находя место, гладила-щупала Его тело – струйки электроразряда исходящие из его кожи были так ей необходимы, что даже нырнувшее в сон сознание не смогло разорвать эту потребность на связь с Ним!

– Я тебя Люблю! – пробормотала она и потянулась губами к его телу. Ей было не важно куда воткнутся её губы – пусть даже в подушку, но только бы чтобы заполненную Им – телом, запахом, эфиром!

– Люблю – ответил он и погрузился в сон.

Он уходил...

– Знаешь, – Лицо истощая заботу давало понять, что шаг дальнейшего поворота уже неотвратим, – Трудно сказать, а кто узнает рассмеётся. Я Люблю тебя – ты мне дорога, но это так невыносимо, что жизнь превращается в тупик!..

Она сидела на кухонном диванчике и раскрыв широко глаза внимала. Он не был для неё богом, но она его боготворила, боясь обидеть, задеть, отпустить. А он не пользуясь этим, всеми силами старался её душе не навредить.

Почему люди расстаются?

Почему нормальные люди расстаются?!

Почему любящие друг друга люди, находясь в здравом уме и рассудке вдруг расстаются?!!

Наверное чтобы друг друга не потерять!

... – *Знаешь, ты классный!* – Он это слышал не раз.

... – *Хоть бы кто-то обнял!* – Молодка выгнув тело сверкнула в ночи взглядом. – *Жаль, что уезжаешь...*

... – Ты всё понимаешь и молчишь. Мы каждый раз встречаемся как чужие, а расстаёмся как на всегда! – Она приподнялась на локоток и оголила свою остроконечную, пухлую грудь. – Нас убивает расстояние.

– А сократить – убьёт сама жизнь – Он приподнялся и повернулся в её сторону. Её кудрявая чёлка просыпалась на глаза. Он поправил её и провел со лба на подбородок пальцем, дав на секунду его поцеловав. – Я благодарен тебе. Ты разбудила во мне мужика!

– Ага, – парировала Она и откинув одеяло поднялась с кровати во весь свой голый рост. – А как же я?! Я же уже не могу без тебя!!!

Чтобы оставить в себе Любовь, Она в эту постель более не вернулась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.